АДМИРАЛЪ ПАВЕЛЪ СТЕПАНОВИЧЪ НАХИМОВЪ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

АДМИРАЛЪ

ПАВЕЛЪ СТЕПАНОВИЧЪ

НАХИМОВЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Морского Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1898.

Печатано по распоряженію Морского Министерства.

По случаю предстоящаго торжественнаго открытія 18 Ноября текущаго года памятника адмиралу Нахимову въ Севастополѣ, по приказанію Управляющаго Морскимъ Министерствомъ, воспроизведенъ предлагаемый біографическій очеркъ „Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ“, написанный 30 лѣтъ тому назадъ Капитаномъ 1 ранга, нынѣ Вице-Адмираломъ, **Асланбеговымъ.**

Ноябрь 1898 г.

Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ.

(біографическій очеркъ).

Но семья не позабыла
Тотъ родной гранитъ,
Гдѣ Нахимова могила,
Гдѣ Корниловъ спитъ.

(Стихи г. Амосова на одномъ изъ севастопольскихъ обѣдовъ).

Въ 12-й тетради «*Русскаго Архива*» 1867 года явилась анонимная статья, подъ заглавіемъ «*Изъ записокъ севастопольца*», которая отозвалась тяжелымъ, болѣзненнымъ чувствомъ не только морякамъ бывшаго черноморскаго флота и ихъ балтійскимъ товарищамъ, не только героямъ-защитникамъ всѣхъ родовъ оружія безсмертной обороны Севастополя, но, я вполнѣ убѣжденъ, и всѣмъ русскимъ, любящимъ свою родину и чтущимъ память *великихъ именъ*, снискавшихъ заслуженную славу, признательность отечества и справедливое уваженіе враговъ. Объ этой статьѣ всѣ громко заговорили, начиная отъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, во всѣхъ слояхъ петербургскаго общества, пораженные неожиданностію и новизною разсказа. Авторъ этой статьи съ невыразимою злобою, съ непонятною желчью, которыми пропитано каждое его слово, подъ благовиднымъ предлогомъ исторической правды, задался недостойною цѣлію: поколебать въ соотечественникахъ ту дань удивленія и восторга къ великимъ сподвижникамъ безпримѣрныхъ въ военныхъ лѣтописяхъ подвиговъ, тѣхъ доблестныхъ подвиговъ,

*

которые самые враги достойно оцѣнили; и какъ въ этой статьѣ онъ особенно извратилъ, изуродовалъ личность глубоко чтимаго всѣми адмирала Павла Степановича Нахимова, и такъ какъ вымыселъ его мы, сослуживцы, болѣе и ближе другихъ знавшіе адмирала, не можемъ иначе принять какъ за пасквиль или карикатуру, то я, посвятивъ мой отвѣтъ памяти падшаго героя Наварина, Синопа и Севастополя, постараюсь всѣ мои слова доказать фактами и ссылками на разнородныя доказательства, сопоставляя ихъ съ мнѣніями и словами неизвѣстнаго автора.

Вотъ какъ рисуетъ авторъ адмирала:

„Нахимовъ былъ самый простой морякъ, извѣстный въ то время только въ одномъ Севастополѣ; честная, добрая душа, „Алексѣй, Божій-человѣкъ", небольшой, нѣсколько тучный, небрежный и грязноватый въ одеждѣ и въ быту, съ полнымъ невыразительнымъ лицомъ, слегка соннымъ и сопѣвшимъ; съ тихими, голубыми глазами, которые не могли угрожать; странный, ужасно неопредѣленный характеръ, какого еще не бывало, но *рѣшительно* безъ всякихъ талантовъ. Все, что можно сказать о немъ вдругъ и подумавши: не глупый человѣкъ, добрая душа! и только. Такая фигура и свойства были облечены въ довольно неопрятный сюртукъ и штаны. Впрочемъ, сюртукъ постоянно украшался эполетами, которые, точно также постоянно, были моложе чиномъ и старше Чернаго моря. При осадѣ Севастополя адмиралъ одинъ-одинешенекъ щеголялъ въ сюртукѣ и въ эполетахъ. Впрочемъ, мнѣ случилось однажды видѣть его въ шинелькѣ изъ люстрина, тоже довольно невѣроятнаго фасона.

„Необыкновенная доброта адмирала нарушалась иногда, хоть и рѣдко, какимъ-то шумнымъ вихремъ безтолковыхъ криковъ, которыхъ, въ сущности, никто не боялся и которые ровно ничего не значили. Онъ даже, временами, представлялся жестокимъ и закатывалъ матросамъ неопредѣленное количество линьковъ, но рѣшительно всегда безъ злобы, а такъ, изъ рутины. Сегодня приметъ васъ очень грубо, не знаетъ вашей фамиліи, глядитъ на васъ тупо, а завтра бросится со всѣхъ ногъ (точно спохватившись), становитъ вамъ стулъ, ухаживаетъ какъ за любовницей. Почти всегда откажетъ съ перваго раза и даже нашумитъ, но потомъ непремѣнно отмякнетъ и уступитъ: только не останавливайтесь, идите на проломъ, безъ всякой церемоніи. На третьемъ словѣ, если вы не выскочили сразу изъ комнаты отъ дикаго крику и топотни (а коли вы попроще званіемъ, напримѣръ какой нибудь мѣщанинъ, онъ васъ собственноручно возьметъ за хохолъ), на третьемъ словѣ вы уже увидите, что у него нѣтъ характера. Энергическій человѣкъ могъ выпросить у него что угодно, даже Севастополь, въ который онъ посадилъ столько хлопотъ и крику.

„Само собою разумѣется, маса служащихъ, все-таки, по человѣчески, подавалась въ ту сторону, гдѣ было больше чести и простоты (ибо ничто на свѣтѣ ни сильно задавить въ человѣчествѣ окончательно его человѣческихъ инстинктовъ). Изъ всѣхъ начальниковъ, занимавшихъ болѣе или менѣе видные посты въ Севастополѣ, Нахимовъ былъ самый простой и естественный въ обращеніи съ подчиненными. Если я упомянулъ о нѣкоторыхъ неровностяхъ его нрава, о дикихъ крикахъ и тому подобномъ, это было въ немъ только исключеніемъ изъ общаго правила. Обыкновенно онъ глядѣлъ добренькимъ. Иной разъ ему приходила блажь и прикинуться генераломъ, какъ надо быть, но это не удавалось: природа отказала ему въ генеральскихъ свойствахъ. Сколько ни пробовалъ, ничего не могъ онъ сдѣлать по этой части, и, наконецъ, въ отчаяніи махнулъ рукой: „не выходитъ!“ и остался чѣмъ то въ родѣ... матроса. Я беру слово наудачу, какое поближе, Нахимовъ не былъ похожъ ни на кого и ни на что. Это было нѣчто совсѣмъ особенное въ своемъ родѣ: „Павелъ Степановичъ Нахимовъ — Алексѣй, Божій-человѣкъ“, и только. Онъ представляется мнѣ еще въ видѣ голландскаго мызника, съ кружкой пива и удочкой, въ полосатой голландской курткѣ изъ толстаго тика...; вечернее солнце бросаетъ мягкій лучъ на его большой и добрый лобъ, съ клочками свѣтлыхъ волосъ; вокругъ зеленая травка, по которой ползаютъ бѣлокурые, пузатые мальчуганы; какъ хорошо и тихо!“

Мой бѣдный Ленскій, сердцемъ онъ
Для оной жизни былъ рожденъ!

„Но оная жизнь не выпала ему на долю. Мало ли какія случаются перестановки! Судьба, fatum, назовите какъ угодно, вложила мысль въ голову его родителей, помѣщиковъ Смоленской губерніи, отдать его въ морской корпусъ и онъ сдѣлался морскимъ офицеромъ. Радъ не радъ, годишься или не годишься — служи на палубѣ! Впрочемъ, Нахимовъ не задавалъ себѣ никогда подобныхъ вопросовъ по этой части.

„Сначала ему сильно не везло. Физіономія его была не изъ такихъ, которыя могли нравиться въ Балтійскомъ флотѣ. Онъ перемѣстился въ Черное море и затерялся въ черноморскихъ рядахъ; послуживалъ, сѣкъ матросовъ, такъ какъ была тогда на это лазаревская мода, или духъ времени; совершалъ морскіе вояжи, и, наконецъ, какъ водится, достигъ адмиральскаго чина“.

Спрашиваю васъ, любезный читатель: какое вы должны составить понятіе о личности, вамъ представленной?

Человѣкъ безъ характера, не только рѣшительно безъ всякихъ талантовъ, но даже и непозволяющій себѣ задать вопросъ: какъ онъ очутился во флотѣ? Небрежный, грязный, часто грубый, всегда безтолковый, безтактный крикунъ, слабый и добренькій, однимъ словомъ — почти идіотъ.

Вотъ что говорятъ документы:

Павелъ Степановичъ родился въ 1803 году; отецъ его былъ секундъ-маіоръ временъ Екатерины II и пользовался особеннымъ уваженіемъ и довѣренностію своихъ сосѣдей, дворянъ Смоленской губерніи. Опредѣленный въ морской кадетскій корпусъ, онъ, какъ избранный и лучшій воспитанникъ, назначенъ былъ на бригъ «Фениксъ», имѣвшій заграничное плаваніе въ Данію и Швецію, и въ 1818 г., т. е. 15 лѣтъ отъ роду, *вышелъ въ мичманы*. Уже эти первые шаги свидѣтельствуютъ о способностяхъ, прилежаніи и дарованіяхъ 15-тилѣтняго юноши.

Отправленный въ 1821 году сухопутно въ Архангельскъ, въ команду строившагося тамъ корабля, онъ вызванъ оттуда и назначенъ на фрегатъ «Крейсеръ», подъ команду капитана 2-го ранга М. П. Лазарева, впослѣдствіи знаменитаго адмирала, совершавшаго тогда третье кругосвѣтное путешествіе. Не считаю нужнымъ говорить, что подобное назначеніе человѣку безъ протекціи, въ то время, когда кругосвѣтныя плаванія были чрезвычайно рѣдки, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ, что молодой мичманъ обратилъ на себя особенное вниманіе. Скоро капитанъ Лазаревъ оцѣнилъ браваго, расторопнаго офицера и такъ къ нему привязался, что съ той поры они почти не разставались. Возвратясь въ 1825 году послѣ трехъ-лѣтняго кругосвѣтнаго плаванія лейтенантомъ, онъ получилъ орденъ Владиміра 4-й степени. Въ 1826 году онъ пришелъ изъ Архангельска на вновь выстроенномъ кораблѣ «Азовъ» (столько извѣстномъ всему флоту, какъ образцовый во всѣхъ отношеніяхъ), подъ командою тогда уже капитана 1-го ранга Лазарева, и, отправясь на другой годъ на немъ въ Средиземное море, онъ плавалъ тамъ до 1830 года. Корабль «Азовъ» былъ флагманскимъ кораблемъ адмирала графа Гейдена и за отличную храбрость, выказанную лейтенантомъ Нахимовымъ въ Наваринскомъ сраженіи, онъ былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты и награжденъ орденомъ Георгія 4-й степени въ

декабрѣ 1827 года. (При этомъ замѣчу, что на кораблѣ «Азовъ», въ Наваринскомъ сраженіи, было убитыхъ и раненыхъ болѣе, чѣмъ на всей остальной эскадрѣ). Итакъ, 24-хъ лѣтъ отъ роду, Нахимовъ былъ штабъ-офицеромъ и кавалеромъ Георгія, Владиміра, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ назначенъ уже командиромъ корвета «Наваринъ». Мнѣ, кажется, нечего добавлять отъ себя; факты говорятъ краснорѣчивѣе моихъ словъ, что такой командиръ не только былъ извѣстенъ флоту, но былъ его украшеніемъ. Возвратясь изъ Средиземнаго моря, онъ былъ назначенъ въ 1832 году командиромъ вновь строющагося фрегата «Паллада». Это былъ такой красавецъ, что весь флотъ имъ любовался, и весьма многіе пріѣзжали учиться чистотѣ, вооруженію и военному порядку, на немъ заведенному. Въ первую же кампанію на немъ, въ 1833 году, крейсеруя въ эскадрѣ почтеннаго и всѣми уважаемаго вице-адмирала Ѳ. Ѳ. Беллингсгаузена, ему удалось заслужить признательность начальства и уваженіе сотоварищей за тотъ ночной сигналъ, которымъ онъ предупредилъ эскадру отъ угрожавшей ей опасности курса на каменья. Въ январѣ 1834 года Нахимовъ былъ переведенъ въ Черное море по ходатайству адмирала Лазарева, сдѣлавшагося въ это время главнымъ командиромъ черноморскаго флота, какъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ и образцовыхъ командировъ, съ назначеніемъ командиромъ 41-го экипажа, и въ томъ же году произведенъ въ капитаны 2 ранга. Въ 1836 году назначенъ командиромъ вновь строющагося корабля «Силистрія», а въ 1837 году произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Командуя этимъ кораблемъ до производства своего въ контръ-адмиралы, въ 1845 году, онъ ежегодно плавалъ на немъ по Черному морю и имѣлъ, кромѣ практическихъ занятій, нѣкоторыя важныя порученія. Такъ, въ 1840 году, онъ былъ у восточнаго берега при занятіи мѣстечка Туапсе и Псезуапе, гдѣ, при высадкѣ десантнаго отряда на берегъ, онъ командовалъ лѣвымъ флангомъ перваго отдѣленія. Въ этомъ же году и въ слѣдующихъ ему поручено было положить

въ Новороссійскѣ мертвые якоря и потомъ бочки для мертвыхъ якорей новаго устройства. Здѣсь кончается поприще Павла Степановича Нахимова какъ капитана, а потому я позволяю себѣ остановиться на его дѣятельности.

Корветъ «Наваринъ», фрегатъ «Паллада» и корабль «Силистрія» были постоянно тѣми образцами, на которые всѣ указывали и къ которымъ всѣ стремились. Я спрошу всѣхъ сотоварищей, служившихъ въ то время въ Черномъ морѣ, кто изъ нихъ, встрѣтясь въ морѣ съ кораблемъ «Силистрія» и входя на рейдъ, гдѣ онъ красовался, не осматривалъ себя съ ногъ до головы, чтобы показаться въ возможно лучшемъ, безукоризненномъ видѣ зоркому капитану «Силистріи», отъ котораго не скроется ни одинъ шагъ, ни малѣйшій недостатокъ, такъ точно какъ и лихое управленіе? Одобреніе его считалось наградою, которую каждый старался заслуживать,— такъ было велико нравственное вліяніе этого человѣка.

Онъ имѣлъ особенный даръ пріохотить къ морскому дѣлу, внушить энергію и любовь къ службѣ, какъ своимъ примѣромъ, своимъ постояннымъ сосредоточеннымъ вниманіемъ, такъ и своими всегда интересными разсказами о томъ, какъ это дѣлалось на «Крейсерѣ» и на «Азовѣ», что говорилъ и какъ думалъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ въ томъ и другомъ случаѣ, какъ бы забывая, изъ врожденной ему скромности и глубокаго уваженія къ наставнику своему, что «Наваринъ», «Паллада» и «Силистрія» были вполнѣ новыми авторитетами и примѣромъ для подражанія. Онъ постоянно всецѣло принадлежалъ своей профессіи.

Выходитъ ли эскадра или даже отдѣльный корабль изъ гавани, идетъ ли въ гавань, возвращается ли съ моря или снимается съ якоря, — вы увидите Павла Степановича на графской пристани съ его неизмѣнною трубою. Скажу болѣе: всякая шлюпка, катающаяся по рейду подъ парусами, была имъ замѣчаема и, не смотря на то, что за малѣйшее упущеніе, при удобномъ случаѣ, молодежь подвергалась его замѣчаніямъ,

она его обожала, потому что всякій морской офицеръ, сколько нибудь обратившій на себя его вниманіе своею привязанностію къ службѣ, могъ вполнѣ разсчитывать на его готовность научить, облегчить, заступиться, ходатайствовать, на его всегда протянутую руку помощи и даже на его кошелекъ.

Радушіе и гостепріимство его были извѣстны всякому. Изысканная чистота и порядокъ были на кораблѣ и въ квартирѣ; сердечная доброта, прямодушіе были написаны на его открытомъ благородномъ лицѣ. Вниманіе его къ своимъ ближайшимъ подчиненнымъ офицерамъ и матросамъ 41-го экипажа было неисчерпаемо. Онъ слѣдилъ за ними не только въ Севастополѣ, но и на Кавказѣ и за границею. Они могли обращаться къ нему, какъ къ родному отцу. Не понятно ли послѣ всего мною сказаннаго (что, опять повторяю, подтвердятъ всѣ оставшіеся въ живыхъ моряки Чернаго и Балтійскаго морей), не понятно ли, что эта честная, благородная, безкорыстная личность, что это доброе, великодушное, золотое сердце, что эта искренняя, безграничная любовь къ своему дѣлу — весьма скоро привлекли къ нему сослуживцевъ, готовыхъ съ нимъ идти въ огонь и въ воду. Во всемъ черноморскомъ флотѣ не было ни одного матроса, который бы не зналъ, если не лично, то по наслышкѣ, и не любилъ, хотя бы и заочно, капитана «Силистріи», Павла Степановича Нахимова. Никто не умѣлъ такъ понимать ихъ нужды, такъ говорить съ ними, и потому они были слѣпо ему преданы.

Теперь я снова обращаюсь къ вамъ, любезный читатель, и попрошу отвѣтить мнѣ: какое выработалось у васъ понятіе объ этомъ лицѣ моего разсказа, основаннаго на документахъ его происхожденія, службы, и на тѣхъ чертахъ, которыя засвидѣтельствуютъ адмиралы и капитаны русскаго флота? Вы видѣли юношу, съ прекрасными способностями, окончившаго курсъ и вышедшаго въ офицеры 15-ти лѣтъ. Вы видѣли лихого, браваго мичмана, избраннаго изъ всей среды знаменитымъ капитаномъ Лазаревымъ; вы видѣли отлично храбраго лейте-

нанта, украшеннаго Георгіемъ за побѣду подъ Наварпномъ; вы видѣли молодого 25-ти лѣтняго капитана корвета «Наваринъ», впослѣдствіи образцоваго командира фрегата «Паллада» и корабля «Силистрія», капитана всѣми уважаемаго, горячо любимаго, непрестаннаго наставника молодежи и съ огромнымъ нравственнымъ вліяніемъ на всю среду, т. е. съ сильнымъ, опредѣленнымъ характеромъ, съ безграничною любовію къ своему дѣлу, съ сердцемъ великодушнымъ и благороднымъ, обожаемаго командою.

Есть ли хотя одна черта изъ того портрета, который угодно было нарисовать, по какому-то дикому, необузданному произволу, злому перу анонимнаго автора, который, какъ очевидно, не будучи морякомъ, могъ писать свои детальныя подробности подъ нашептываніе ядовитой зависти или шипучей злобы. Мы оскорблены, въ качествѣ сослуживцевъ и почитателей доблестнаго адмирала, не тѣмъ, что нашелся человѣкъ (въ семьѣ не безъ урода), который съ необдуманною наглостью попытался бросить изъ-за угла комокъ грязи на этого рыцаря чести и благородства, но тѣмъ, что статья эта могла найти мѣсто на страницахъ журнала, столько извѣстнаго своею оцѣнкою и критическимъ взглядомъ. Считаю нужнымъ здѣсь присоединить, что на вопросъ мой — приметъ ли возраженіе почтенный издатель «Русскаго Архива», П. И. Бартеневъ тотчасъ же отвѣтилъ, что онъ сердечно радъ и что печаталъ «Записку Севастопольца», скрѣпя сердце, для *дознанія истины.*

Разсмотрѣвъ критически, съ полнымъ и должнымъ вниманіемъ, все поприще Павла Степановича Нахимова до адмиральскаго чина, я сдѣлаю послѣдній вопросъ автору: могъ ли такой капитанъ затеряться во флотѣ? и имѣлъ ли право онъ задать себѣ вопросъ, какъ онъ очутился на палубѣ и почему онъ служилъ во флотѣ?

Въ 1845 году Павелъ Степановичъ Нахимовъ произведенъ въ контръ-адмиралы, съ назначеніемъ командиромъ 1-й бригады 4-й флотской дивизіи. Кромѣ ежегодныхъ практическихъ

плаваній по Черному морю, онъ въ 1848 и 1850 годахъ, командуя эскадрами, держалъ крейсерство у кавказскихъ береговъ по шести мѣсяцевъ; въ мартѣ 1852 года онъ назначается командующимъ 5-ю флотскою дивизіею, и въ октябрѣ того же года производится въ вице-адмиралы, съ утвержденіемъ начальникомъ дивизіи.

Горизонтъ дѣлается обширнѣе, поле дѣйствія расширяется, онъ получаетъ возможность не косвеннымъ, не нравственнымъ только вліяніемъ имѣть силу, но и непосредственно властью начальника. Гумбольдтъ говоритъ: «особенность жизни человѣка заключается въ томъ, что, если онъ не заботится о своемъ счастіи, а только объ исполненіи долга, то счастіе превозможетъ, какъ бы плохо ни было первоначальное положеніе человѣка».

И счастіе видимо начинаетъ обнимать своего избранника. Черноморскій парусный флотъ, подъ его флагомъ, состоящій изъ 12 кораблей, 2 фрегатовъ, 7 пароходовъ и 11 транспортовъ, дѣлаетъ одинъ изъ самыхъ баснословно-счастливыхъ переходовъ, съ десантомъ цѣлой дивизіи, въ полномъ составѣ. Флотъ, поставивъ бомъ-брамсели, снимаясь на севастопольскомъ рейдѣ, закрѣпилъ ихъ у кавказскихъ береговъ и, снимаясь подъ ними у Анакріи, закрѣпилъ, становясь на якорь въ Севастополѣ, въ бурное время года во второй половинѣ сентября мѣсяца. Хочу припомнить здѣсь, что перевозъ войскъ въ 1801 году изъ Мальты въ Египетъ, съ такимъ же количествомъ десанта, былъ произведенъ болѣе чѣмъ на 200 военныхъ и купеческихъ судахъ (*).

Переходъ изъ Севастополя въ Анакрію совершенъ въ 7 дней. Дебаркація началась въ 7 часовъ утра и окончилась въ 5 часовъ пополудни. Всего на отрядѣ перевезено 16 баталіоновъ пѣхоты и 2 легкія батареи, въ числѣ 16.393 человѣкъ и 824 лошадей, со всѣми необходимыми тяжестями. Больныхъ

(*) Нѣсколько указаній о десантахъ В. Стеценко (М. Сб. №№ 2 и 4, 1865 г.).

было всего только 7 человѣкъ сухопутнаго вѣдомства и 4 человѣка морскихъ чиновъ; 13-го числа было получено приказаніе изъ Петербурга, а 24-го войска были на Кавказѣ.

Но авторъ «Записокъ севастопольца» не вѣритъ оффиціальнымъ донесеніямъ и говоритъ съ сарказмомъ:

„Князь Меншиковъ получилъ новое повелѣніе перевезть 13-ю пѣхотную дивизію, съ ея артиллеріею, изъ Севастополя въ Сухумъ-Кале. *Это бросились исполнять* и потратили на перевозку войскъ цѣлый мѣсяцъ. Всякихъ расходовъ и напрасной траты людей и лошадей было бездна“.

По окончаніи этого порученія, за которое адмиралъ получилъ Владиміра 2-й степени, онъ выходилъ въ октябрѣ мѣсяцѣ въ трудное крейсерство, какъ по времени года, которое, кромѣ соотечественниковъ, вполнѣ оцѣнили моряки и публицисты иностранные, понимая, сколько надобно знанія, увѣренности и бдительности съ паруснымъ флотомъ держаться близко у береговъ въ ноябрскія бури, такъ и по ходу политическихъ событій. Войны ожидали съ минуты на минуту, и вотъ, наконецъ, 23-го октября состоялся манифестъ; открытіе военныхъ дѣйствій привело Нахимова къ славному Синопскому бою 18-го ноября 1853 года.

Я не стану описывать всѣ подробности этого славнаго и незабвеннаго для моряковъ черноморскаго флота дня, которымъ какъ бы высказался для Россіи и Европы результатъ тѣхъ постоянныхъ усилій, того искренняго труда, той задушевной любви къ своему дѣлу, которыми была воодушевлена эта крѣпкая, дружная семья, потому что описаніе Синопскаго сраженія было составлено по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ въ декабрской книжкѣ «Морского Сборника» 1853 года, но отвѣчу только на слова автора разбираемой мною статьи. Онъ и здѣсь, какъ и вездѣ, старается всячески умалить, даже уничтожить, значеніе этой рѣшительной и славной побѣды.

Онъ говоритъ:

„Можетъ быть вы спросите о стратегическомъ значеніи этого боя? Увы, тутъ слѣдуетъ быстрое разочарованіе. Мнѣ тяжело вносить въ лѣтопись эти холодныя разочаровывающія строки въ такую минуту, когда я плачу *слад-*

кими слезами. Синопскій бой, въ стратегическомъ смыслѣ, былъ не бой въ правильной соразмѣрности воюющихъ силъ; это былъ разгромъ, le massacre de Sinope, какъ называютъ французы. Въ доказательство довольно привести сравнительную таблицу судовъ и батарей, бывшихъ въ дѣлѣ: у насъ 6 кораблей (три 84-хъ и три 124-хъ пушечные, 2 фрегата и, подъ конецъ, три парохода; всего 11 судовъ. На каждомъ изъ кораблей у насъ были 68-ми фунтовыя пушки, а у турокъ — ни одного корабля, 7 фрегатовъ, 3 корвета и 2 парохода, всего 12 судовъ, гдѣ самый большой калибръ орудій доходилъ только до 32-хъ англійскихъ фунтовъ (на трехъ фрегатахъ и одномъ корветѣ); остальныя суда имѣли пушки отъ 12-ти до 24-хъ русскихъ фунтовъ. Средній вѣсъ снарядовъ одного нашего борта относился къ таковому же турецкому, какъ 22 къ 9.

„Пароходъ *Таифъ*, состоявшій подъ командою одного англичанина, Слѣда, который назывался у турокъ Мушаверъ паша, сейчасъ увидѣлъ невозможность сопротивленія и, пользуясь *нерасторопностію* нашихъ судовъ, ушелъ“.

Посмотримъ, насколько это справедливо, и скажемъ, что Нахимовъ, крейсеруя, по приказанію князя Меншикова, съ эскадрою изъ 5-ти 84-хъ пушечныхъ кораблей: «Императрица Марія», «Чесма», «Ростиславъ», «Святославъ» и «Храбрый», держась близъ анатолійскаго берега, чтобы не пропустить турецкую эскадру съ десантомъ въ Сухумъ, находился въ лихорадочномъ состояніи въ ожиданіи извѣстія о войнѣ. Наконецъ, 1-го ноября, онъ сдѣлалъ эскадрѣ радостный и короткій телеграфъ: война объявлена! отслужить молебствіе и поздравить команду, а вечеромъ 2-го числа, какъ только стихло, онъ отдалъ приказъ:

«Непріятель не иначе можетъ исполнить свое намѣреніе (атаковать Сухумъ-Кале), какъ пройдя мимо насъ, или давъ намъ сраженіе. Въ первомъ случаѣ, я надѣюсь на бдительный надзоръ командировъ и офицеровъ; во второмъ, съ Божіею помощію и увѣренностію въ своихъ офицерахъ и командахъ, надѣюсь съ честію принять сраженіе. Не распространяясь въ наставленіяхъ, я выскажу свою мысль, что въ морскомъ дѣлѣ близкое разстояніе отъ непріятеля и взаимная помощь другъ другу есть лучшая тактика. Увѣдомляю гг. командировъ, что въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ *превышающимъ насъ въ*

силахъ, я атакую его, будучи совершенно увѣренъ, что каждый изъ насъ сдѣлаетъ свое дѣло».

Весь характеръ адмирала вылился въ этихъ словахъ: точно, смѣло, опредѣлительно и скромно. Можно написать томы приказовъ передъ морскимъ сраженіемъ, но всѣ они сведутся или на Трафальгарскій Нельсона: «Англія надѣется, что каждый исполнитъ свой долгъ», или на торжественный, его несчастнаго соперника Вильнева: «каждый капитанъ на своемъ мѣстѣ, если онъ въ огнѣ!». Вся сила, къ кому относятся эти слова, приготовлены-ли дѣятели къ воспріятію ихъ, и въ чьихъ устахъ они раздаются? «Посмотрите какъ храбрый Колингвудъ ведетъ свою колонну», говорилъ окружающимъ его передъ Трафальгарскимъ сраженіемъ Нельсонъ, котораго колонна, вслѣдствіе перемѣны вѣтра, осталась нѣсколько сзади, и въ то же время Колингвудъ, указывая на корабль «Викторія», произноситъ: «что бы далъ Нельсонъ быть на моемъ мѣстѣ!» Не видно-ли въ словахъ этихъ залога побѣды!? А въ тотъ-же день 10 кораблей авангарда Дюмануара бѣгутъ, не зная куда, подобно тому какъ и въ Лисскомъ сраженіи 3 броненосца авангарда Вакка. Сами по себѣ слова самыя громкія ничего не значатъ—это часто пустой звукъ: вся суть, кто ихъ говоритъ и кто ихъ слушаетъ! Вотъ въ чемъ вопросъ!? И отвѣтомъ на нихъ бываетъ побѣда или пораженіе. Нахимовъ сознательно понималъ, что онъ говоритъ черноморцамъ, а они съ увѣренностію слушали эти отрадныя слова, какъ побѣдный кликъ, и нетерпѣливо ждали случая, который скоро подошелъ.

Послѣ шторма 8-го ноября, адмиралъ, отправивъ вслѣдствіе поврежденій корабли «Святославъ» и «Храбрый», заглянулъ въ Синопскій заливъ съ тремя оставшимися у него кораблями, и, замѣтивъ, что на рейдѣ стоитъ турецкая эскадра подъ прикрытіемъ 6-ти береговыхъ батарей, рѣшился съ той поры держать самую строгую блокаду въ ожиданіи возвращенія своихъ кораблей. Во все время погода была постоянно мрачная, шли дожди, вѣтеръ дулъ свѣжій восточный, вол-

ненie сильное. 16-го числа, вмѣсто ожидаемыхъ кораблей, оставшихся въ Севастополѣ, къ нему присоединилась эскадра контръ-адмирала Новосильскаго, состоявшая изъ трехъ 120-ти пушечныхъ кораблей: «Парижъ» (флагманскiй), «Великiй Князь Константинъ», «Три Святителя», и 2-хъ фрегатовъ: «Кагулъ» и «Кулевчи». 17-го адмиралъ сигналомъ пригласилъ къ себѣ на корабль второго флагмана и командировъ, для сообщенiя имъ плана атаки и необходимыхъ наставленiй, и въ тотъ-же день состоялся слѣдующiй приказъ по эскадрѣ:

«Располагая при первомъ удобномъ случаѣ атаковать непрiятеля, стоящаго въ Синопѣ въ числѣ 7-ми фрегатовъ, 2-хъ корветовъ, 1-го шлюпа, 2-хъ пароходовъ, и 2-хъ транспортовъ, я составилъ диспозицiю для атаки ихъ, и прошу гг. командировъ стать по оной на якорь и имѣть въ виду слѣдующее:

«1) При входѣ на рейдъ бросать лоты, ибо можетъ случиться, что непрiятель перейдетъ на мелководiе, и тогда встать на возможно близкомъ отъ него разстоянiи, но на глубинѣ не менѣе 10-ти саженъ.

«2) Имѣть шпрингъ на оба якоря; если при нападенiи на непрiятеля будетъ вѣтръ N, самый благопрiятный, тогда вытравить цѣпи 60 саженъ, имѣть столько же и шпрингу, предварительно заложеннаго на битенгъ. Идя же на фордевиндъ при вѣтрѣ O или ONO, во избѣжанiе бросанiя якоря съ кормы, становится также на шпрингъ, имѣя его до 30-ти саженъ, и когда цѣпь, вытравленная до 60-ти саженъ, дернетъ, то вытравить еще 10 саженъ; въ этомъ случаѣ цѣпь ослабнетъ, а корабли будутъ стоять кормою на вѣтръ на кабельтовѣ. Вообще съ шпрингами быть крайне осмотрительными, ибо они часто остаются недѣйствительными отъ малѣйшаго невниманiя или промедленiя времени.

«3) Передъ входомъ въ Синопскiй заливъ, если позволитъ погода, для сбереженiя гребныхъ судовъ на рострахъ, я сдѣлаю сигналъ спустить ихъ на воду, и тогда имѣть ихъ у

борта на противоположной сторонѣ непріятеля, имѣя на одномъ изъ нихъ, на всякій случай, кабельтовъ и верпъ.

«4) При атакѣ имѣть осторожность, не палить даромъ по тѣмъ изъ судовъ, кои спустятъ флаги; посылать же для овладѣнія ими не иначе, какъ по сигналу адмирала, стараясь лучше употребить время для пораженій противящихся судовъ или батарей, которыя, безъ сомнѣнія, не перестанутъ палить, если бы съ непріятельскими судами дѣло и было бы кончено.

«5) Нынѣ-же осмотрѣть заклепки у цѣпей, на случай надобности расклепать ихъ.

«6) Открыть огонь по непріятелю по второму адмиральскому выстрѣлу, если передъ тѣмъ со стороны непріятеля не будетъ никакого сопротивленія нашему на нихъ наступленію; въ противномъ случаѣ палить какъ кому возможно, соображаясь съ разстояніемъ до непріятельскихъ судовъ.

«7) Ставъ на якорь и удаливъ шпрингъ, первые выстрѣлы должны быть прицѣльные; при этомъ хорошо замѣтить положеніе пушечнаго клина на подушкѣ мѣломъ для того, что послѣ въ дыму не будетъ видно непріятеля, а нужно поддерживать быстрый батальный огонь; само собою разумѣется, что онъ долженъ быть направленъ по тому же положенію орудія, какъ и первыхъ выстрѣловъ.

«8) Атакуя непріятеля на якорѣ, хорошо имѣть, какъ подъ парусами, одного офицера на гротъ-марсѣ или салингѣ, для наблюденія при батальномъ огнѣ за направленіемъ своихъ выстрѣловъ, и, буде они не достигаютъ своей цѣли, офицеръ сообщаетъ о томъ на шканцы, для направленія шпринга.

«9) Фрегатамъ «Кагулъ» и «Кулевчи», во время дѣйствія, остаться подъ парусами для наблюденія за непріятельскими пароходами, которые, безъ сомнѣнія, вступятъ подъ пары и будутъ вредить нашимъ судамъ по выбору своему.

«10) Завязавъ дѣло съ непріятельскими судами, стараться, по возможности, не вредить консульскимъ домамъ, на которыхъ будутъ подняты національные ихъ флаги.

«Въ заключеніе я выскажу свою мысль, что всѣ предварительныя наставленія, при перемѣнившихся обстоятельствахъ, могутъ затруднять командира, знающаго свое дѣло; и потому я *представляю каждому совершенно независимо дѣйствовать по усмотрѣнію своему*, но непремѣнно исполнить свой долгъ. Государь Императоръ и Россія ожидаютъ славныхъ подвиговъ отъ черноморскаго флота; отъ нихъ зависитъ оправдать ожиданіе».

Здѣсь все предвидѣно, все предусмотрѣно, и въ $9^1/_2$ часовъ 18-го ноября все стало исполняться какъ на маневрахъ. Около полудня эскадра подъ марселями, имѣя національные флаги на всѣхъ брамъ-стеньгахъ, шла въ сжатомъ, стройномъ порядкѣ 2-хъ колоннъ, съ тѣмъ, чтобъ развернуться вѣеромъ противъ турокъ, стоявшихъ лунообразно подъ прикрытіемъ своихъ батарей, и стать правой колоннѣ правымъ бортомъ, а лѣвой—лѣвымъ. Увидавъ на адмиральскомъ кораблѣ сигналъ, команды, готовыя къ бою, ожидали только приказанія — *начать*, — но адмиралъ показалъ полдень (какъ это ежедневно дѣлается въ эскадрахъ). Какое величавое спокойствіе!! Въ половинѣ перваго, по первой пушкѣ турецкаго флагманскаго фрегата, открытъ былъ огонь со всѣхъ непріятельскихъ судовъ и батарей. Турки долго ожидали, какъ потомъ объяснилось, начать бой, когда люди пойдутъ крѣпить паруса; но парусовъ не крѣпили, а взяли на гитовы. Тогда грянулъ тотъ бой, который кончился совершеннымъ истребленіемъ турецкой эскадры и взятіемъ въ плѣнъ начальника эскадры вице-адмирала Османа-паши, и двухъ командировъ: фрегата «Фазли-Аллахъ» (бывшій Рафаилъ) и корвета «Фейзи-Меабудъ». Я уже сказалъ, что не описываю подробностей боя, но не могу умолчать о нѣкоторыхъ эпизодахъ. Корабль «Парижъ» (капитанъ Истоминъ), дѣйствуя противъ корвета и фрегата, въ скоромъ времени взорвалъ первый и заставилъ броситься на берегъ второй; послѣ, поправивъ цѣпь, онъ сталъ бить двухъ-полосный 64-хъ пушечный фрегатъ «Низаміе», сбилъ ему мачты

и его принудилъ броситься на берегъ, гдѣ онъ скоро и загорѣлся, а въ заключеніе, вытянувъ снова шпрингъ, открылъ огонь противъ береговой батареи № 5-й. Адмиралъ въ пылу боя тотчасъ замѣтилъ эти правильно-отчетливыя движенія, совершаемыя на кораблѣ съ такимъ спокойствіемъ, и приказалъ сигналомъ объявить свою благодарность, но, къ сожалѣнію, не на чемъ было сдѣлать сигналъ: всѣ фалы были перебиты.

Командиръ фрегата «Фазли-Аллахъ» (бывшій Рафаилъ) былъ взятъ въ плѣнъ, и самый фрегатъ взорванъ на воздухъ, и этимъ исполнилось давнее приказаніе, 1829 года, Государя Императора, бывшему главному командиру черноморскаго флота, адмиралу Грейгу, выраженное въ концѣ слѣдующими словами:

«Уповая на помощь Всевышняго, пребываю въ надеждѣ, что неустрашимый флотъ, горя желаніемъ смыть безславіе фрегата «Рафаилъ», не оставитъ его въ рукахъ непріятеля. Но когда онъ будетъ возвращенъ во власть нашу, то, почитая фрегатъ сей недостойнымъ носить флагъ россійскій и служить на ряду съ прочими судами флота, повелѣваю вамъ предать оный немедленно огню».

И такъ Синопскій бой заканчивалъ и прежніе расчеты.

Эскадра шла какъ на пиръ, ожидая, конечно, безъ всякаго сомнѣнія, и бо́льшаго сопротивленія съ турецкихъ судовъ, и каленыхъ ядеръ съ батарей, и бомбовой артиллеріи съ пароходовъ. Не ея вина, что непріятель ничего не предпринялъ; она ко всему была готова, обо всемъ предупреждена опытнымъ, зоркимъ наставникомъ, подошла на ружейный выстрѣлъ, распоряжалась, какъ на маневрахъ, срыла батареи, сожгла; взорвала на воздухъ суда, словомъ — *истребила своего врага*, и, что всего замѣчательнѣе, исправивъ сдѣланныя непріятелемъ весьма значительныя поврежденія въ корпусѣ, рангоутѣ и парусахъ, — черезъ 36 часовъ ушла, чтобы совершить плаваніе поперекъ всего Чернаго моря въ Ноябрѣ мѣсяцѣ. Несомнѣнно, что перевѣсъ былъ на нашей сторонѣ по силѣ залпа,

но нельзя забыть, что береговыя батареи имѣютъ громадное и неисчислимое преимущество передъ кораблями, а прибавивъ, что онѣ могли дѣйствовать перекрестнымъ огнемъ и калеными ядрами противъ деревянныхъ и парусныхъ кораблей, сдѣлается вполнѣ понятно значеніе боя. Вице-адмиралъ Корниловъ, котораго авторъ постоянно укоряетъ въ зависти и интригахъ противъ Нахимова, первый ясно и громко произноситъ оцѣнку этого боя, отдавая полную справедливость и утверждая, что Синопское сраженіе знаменательнѣе Наваринскаго. Можно ли послѣ всего сказаннаго не видать стратегическаго значенія боя и *плакать сладкими слезами*? На западѣ совсѣмъ иначе поняли и оцѣнили это событіе и лучшимъ тому доказательствомъ служитъ то, что и зависть и злоба обуяла національную гордость. Журналы начали изобрѣтать, клеветать, но нашлись и безпристрастные цѣнители, которые писали такъ въ англійскихъ журналахъ: «какъ бы ни смотрѣли на обстоятельства публицисты, мы, моряки, не можемъ относиться безъ уваженія о невѣдомомъ для насъ флотѣ, который смѣло борется съ бурями въ теченіе мѣсяца, даетъ сраженіе тотчасъ послѣ жестокаго вѣтра, уничтожаетъ противника и съ торжествомъ благополучно возвращается въ портъ, не смотря на поврежденія».

Что же касается до французскаго выраженія «le massacre de Sinope», которое авторъ прочелъ въ газетахъ, то я порадую его еще лучшимъ разсказомъ. Писали, что офицеръ Нахимова отряда, взявши турецкій фрегатъ, дорубилъ оставшагося единственнаго турка, отрѣзалъ кусокъ его мяса и съѣлъ, за что получилъ отъ Императора Георгія.

Послѣ Наваринскаго сраженія, которое, какъ я уже сказалъ, по авторитету знаменитаго адмирала Корнилова, уступаетъ въ значеніи Синопскому, французы и англичане кричали и кричатъ, праздновали и празднуютъ день этой побѣды, какъ знаменитый въ лѣтописяхъ флота. Пароходъ «Таифъ» убѣжалъ потому, что онъ ходитъ несравненно лучше нашихъ парохо-

довъ, и въ подобномъ случаѣ никакая расторопность не поможетъ. Чтобы окончить разсказъ о Синопскомъ боѣ, который былъ Пѣснью Лебедя для морской боевой службы черноморскаго флота и вмѣстѣ послѣднимъ морскимъ боемъ парусныхъ флотовъ, скажу, что весь остальной флотъ привѣтствовалъ съ искреннимъ, дружескимъ, неподдѣльнымъ восторгомъ, съ горячею любовью побѣдителя Синопа и нѣсколько дней ликовалъ и чествовалъ героевъ-сотоварищей, и имя адмирала, стяжавшаго эту славу, было ежеминутно на устахъ у всѣхъ и каждаго, душевно преданныхъ этому общему любимцу.

Князь Меншиковъ доносилъ Государю Императору:

«Повелѣніе Вашего Императорскаго Величества черноморскимъ флотомъ исполнено самымъ блистательнымъ образомъ. Первая турецкая эскадра, которая рѣшилась выйти на бой, 18-го числа Ноября, истреблена вице-адмираломъ Нахимовымъ. Командовавшій ею турецкій адмиралъ, Османъ-паша, раненый, взятъ въ плѣнъ и привезенъ въ Севастополь.

Непріятель былъ на Синопскомъ рейдѣ, гдѣ, укрѣпленный береговыми батареями, принялъ сраженіе. При этомъ у него истреблено семь фрегатовъ, одинъ шлюпъ, два корвета, одинъ пароходъ и нѣсколько транспортовъ. За симъ остался еще одинъ пароходъ, который спасся по превосходной быстротѣ своей.

Эта эскадра, повидимому, есть та самая, которая снаряжалась для овладѣнія Сухумомъ и содѣйствія горцамъ».

Въ отвѣтъ послѣдовалъ слѣдующій рескриптъ: «Князь Александръ Сергѣевичъ! Побѣда при Синопѣ являетъ вновь, что черноморскій нашъ флотъ достойно выполняетъ свое назначеніе. Съ искреннею сердечною радостію поручаю вамъ сказать храбрымъ морякамъ Нашимъ, что Я благодарю ихъ за подвиги, совершенные для славы Россіи и для чести русскаго флота.

Я съ удовольствіемъ вижу, что Чесма не забывается въ русскомъ флотѣ, и что правнуки достойны своихъ прадѣдовъ».

Вслѣдъ за этимъ побѣдитель при Синопѣ получилъ слѣдующую Высочайшую грамоту:

«Истребленіемъ турецкой эскадры при Синопѣ вы украсили лѣтопись русскаго флота новою побѣдою, которая навсегда останется памятною въ морской исторіи.

Статутъ военнаго ордена Св. великомученика и побѣдоносца Георгія указываетъ награду за вашъ подвигъ.

Исполняя съ истинною радостію постановленіе статута, жалуемъ васъ кавалеромъ Св. Георгія 2-й степени большого креста, пребывая къ вамъ Императорскою милостію Нашею благосклонны».

Итакъ, признательность Царя, восторгъ и уваженіе соотечественниковъ, слава, извѣстность, народное имя и лавры побѣды осѣнили доблестнаго адмирала, горячо любимаго всѣми сослуживцами. Но судьба предназначала ему отслужить еще долгую, суровую, грандіозную службу, но уже не на морѣ, а на бастіонахъ Севастополя! Но прежде чѣмъ перейти къ этому послѣднему эпизоду его жизни, я хочу пояснить причину той задушевной популярности, той искренней любви, которою такъ долго, такъ постоянно пользовался Павелъ Степановичъ, и беру собственныя слова его изъ прекраснаго характеристическаго разсказа, посвященнаго его памяти подъ названіемъ: Фрегатъ «Бальчикъ».

«Мало того что служба представится намъ въ другомъ видѣ, говорилъ Павелъ Степановичъ, да сами-то мы совсѣмъ другое значеніе получимъ на службѣ, когда будемъ знать, какъ на кого нужно дѣйствовать.

Нельзя принять поголовно одинаковую манеру со всѣми. Подобное однообразіе въ дѣйствіяхъ начальника показываетъ, что нѣтъ у него ничего общаго со всѣми подчиненными, и что онъ совершенно не понимаетъ своихъ соотечественниковъ. А это очень важно. Представьте себѣ, что вдругъ у насъ, на фрегатѣ, смѣнили бы меня и командира фрегата, а вмѣсто насъ назначили бы начальниковъ англичанъ или французовъ,

такихъ однимъ словомъ, которые говорятъ хорошо, пожалуй, по русски, но не жили никогда въ Россіи. Будь они отличные моряки, а все ничего не выходило бы у нихъ на судахъ: не умѣли бы дѣйствовать на нашихъ матросовъ, вооружили бы ихъ противъ себя безплодною строгостію, или распустили бы такъ, что ни на что не было бы похоже. Мы всѣ были въ корпусѣ; помните, какъ рѣдко случалось, чтобы иностранные учители ладили съ нами; это хитрая вещь, причина ея въ различіи національностей. Вотъ вся бѣда наша въ томъ заключается, что многіе молодые люди получаютъ вредное направленіе отъ образованія, понимаемаго въ ложномъ смыслѣ. Это для нашей службы чистая гибель! Конечно, прекрасно говорить на иностранныхъ языкахъ, я противъ этого ни слова не возражаю и самъ охотно занимался ими въ свое время, да зачѣмъ же прельщаться до такой степени всѣмъ чужимъ, чтобы своимъ пренебрегать? Нѣкоторые такъ увлекаются ложнымъ образованіемъ, что никогда русскихъ журналовъ не читаютъ, и хвастаютъ этимъ; я это навѣрно знаю-съ. Понятно, что господа эти до такой степени отвыкаютъ отъ всего русскаго, что глубоко презираютъ сближеніе съ своими соотечественниками-простолюдинами. А вы думаете, что матросъ не замѣтитъ этого! Замѣтитъ лучше, чѣмъ нашъ братъ. Мы, говоритъ, умѣемъ лучше, чѣмъ замѣчать, а послѣднее ужъ ихъ дѣло; а каково пойдетъ служба, когда всѣ подчиненные будутъ навѣрно знать, что начальники ихъ не любятъ и презираютъ ихъ? Вотъ настоящая причина, что на многихъ судахъ ничего не выходитъ, и что нѣкоторые молодые начальники однимъ только страхомъ хотятъ дѣйствовать. Могу васъ увѣрить, что такъ. Страхъ подчасъ хорошее дѣло, да согласитесь, что не натуральная вещь нѣсколько лѣтъ работать напропалую ради страха. Необходимо поощреніе сочувствіемъ; нужна любовь къ своему дѣлу-съ, тогда съ нашимъ лихимъ народомъ можно такія дѣла дѣлать, что просто чудо. Удивляютъ меня многіе молодые офицеры: отъ русскихъ отстали,

къ французамъ не пристали, на англичанъ также не похожи; своихъ презираютъ, чужому завидуютъ, своихъ выгодъ совершенно не понимаютъ. Это никуда не годится».

Нѣсколько далѣе:

«Пора вамъ перестать считать себя помѣщиками, а матросовъ крѣпостными людьми. Матросъ есть главный двигатель на военномъ кораблѣ, а мы только пружины, которыя на него дѣйствуютъ. Матросъ управляетъ парусами, онъ же наводитъ орудія на непріятеля; матросъ бросится на абордажъ, если понадобится; все сдѣлаетъ матросъ, ежели мы, начальники, не будемъ эгоистами, ежели не будемъ смотрѣть на службу, какъ на средство для удовлетворенія своего честолюбія, а на подчиненныхъ, какъ на ступени, для собственнаго возвышенія. Вотъ кого намъ нужно возвышать, учить, возбуждать въ нихъ смѣлость, геройство, ежели мы не себялюбцы, а дѣйствительно слуги отечества. Вы помните Трафальгарское сраженіе? Какой тамъ былъ маневръ, — вздоръ-съ? Весь маневръ Нельсона заключался въ томъ, что онъ зналъ слабость непріятеля и свою силу и не терялъ времени, вступая въ бой. Слава Нельсона заключается въ томъ, что онъ постигъ духъ народной гордости своихъ подчиненныхъ и однимъ простымъ сигналомъ возбудилъ запальчивый энтузіазмъ въ простолюдинахъ, которые были воспитаны имъ и его предшественниками. Вотъ это-то воспитаніе и составляетъ основную задачу; вотъ чему я посвятилъ себя, для чего тружусь неусыпно и видимо достигаю своей цѣли: матросы любятъ и понимаютъ меня; я этою привязанностію дорожу больше, чѣмъ отзывомъ чванныхъ дворянчиковъ-съ. У многихъ командировъ служба не клеится на судахъ отъ того, что они невѣрно понимаютъ значеніе дворянина и презираютъ матросами, забывая, что у мужика есть умъ, душа и сердце, такъ же, какъ у всякаго другого».

Сколько мудрости, знанія сердца, опытности, глубокаго познанія народнаго духа заключается въ этой философіи.

Она остается лучшимъ завѣщаніемъ не только намъ — его сослуживцамъ, но и всѣмъ соотечественникамъ. Я позволилъ себѣ привести его слова, потому что они вполнѣ очерчиваютъ весь характеръ славно пройденнаго имъ поприща и выказываютъ вполнѣ тѣ возвышенныя чувства, то высокое пониманіе обязанности начальника, ту нравственную силу, которыми будутъ гордиться отдаленные потомки, указывая съ уваженіемъ на этого достойнѣйшаго воина-гражданина.

1-го сентября 1854 г. городской телеграфъ далъ знать сигналомъ, что видитъ непріятельскій флотъ. Вскорѣ показалось нѣсколько пароходовъ противъ Севастопольской бухты, и, наконецъ, потянулась вдоль сѣвернаго берега новая армада, *втрое* превосходящая первую (*). Тотчасъ сдѣланы были распоряженія по флоту, которымъ командовалъ Нахимовъ, и по сухопутнымъ войскамъ.

Я вышелъ бы изъ предѣловъ статьи, если бы день-за-день сталъ описывать ту полную смысла и значенія, ту распорядительную и нравственную роль, которую игралъ Нахимовъ, какъ помощникъ начальника гарнизона въ теченіе 10-ти мѣсяцевъ обороны. Дѣйствія эти принадлежатъ исторіи, но я въ нѣсколькихъ словахъ, которыя подкрѣплю мнѣніями очевидцевъ, выясню характеръ дѣйствій этого рыцаря безъ страха и укоризны.

Послѣ Альминскаго сраженія и предъ знаменитымъ фланговымъ движеніемъ генералъ-адъютанта князя Меншикова, которое мы, моряки, не только не могли своевременно достойно оцѣнить, но, видя оставленные, какъ бы на жертву, портъ и флотъ, произносили недостойные упреки, которые могу обрисовать прекрасными словами Пушкина:

Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Смѣялся надъ твоей священной сѣдиною,

(*) Испанская армада состояла изъ 21.000 десанта, а англо-французо-турецкая имѣла 63.000.

но которое уже оцѣнила исторія, — главнокомандующій поручилъ оборону сѣверной стороны Корнилову, а южную — Нахимову. Нахимовъ явился къ князю и высказалъ, что для блага Россіи онъ не задумается умереть, готовъ подчиниться младшему и съ радостію будетъ содѣйствовать ему, но самъ не можетъ быть хорошимъ сухопутнымъ генераломъ (*). Князь отвѣчалъ, что не принимаетъ этотъ отвѣтъ за серьезный отказъ, и уѣхалъ изъ Севастополя, не перемѣнивъ назначенія. Нахимовъ находился въ самомъ мрачномъ настроеніи. Зная, что непріятельская армія приближается къ Севастополю, онъ видѣлъ одинъ честный исходъ: *лечь костьми*, и, подобно Святославу, 14 сентября въ своемъ приказѣ сказалъ такъ:

«Непріятель подступаетъ къ городу, въ которомъ весьма мало гарнизона; я въ необходимости нахожу затопить суда ввѣренной мнѣ эскадры, и оставшіяся на нихъ команды съ абордажнымъ оружіемъ присоединить къ гарнизону. Я увѣренъ въ командирахъ, офицерахъ и командахъ, что каждый изъ нихъ будетъ драться, какъ герой; насъ соберется до 3.000; сборный пунктъ на Театральной площади».

Когда сѣверная сторона, вслѣдствіе передвиженія всей непріятельской арміи на южную, сдѣлалась въ неопасности, и Корниловъ съ войсками перешелъ на южную, то Нахимовъ снова доказалъ полную готовность жертвовать для пользы отечества своимъ личнымъ значеніемъ и старшинствомъ и просилъ Корнилова, вмѣстѣ съ генералъ-лейтенантомъ Моллеромъ, принять общія распоряженія по оборонѣ города.

Дѣлая все человѣчески-возможное, команды, не зная сна, обѣда, отдыха, съ минуты на минуту ожидали штурма, но къ общему удивленію его не было, а начиналась правильная осада той крѣпости, которая можно сказать почти не существовала, но которая росла не по днямъ, а по часамъ и по-

---

(*) Жандръ (Севастополь и Корниловъ).

двигалась вмѣстѣ съ осадою. Если когда нибудь русскій духъ и мощь великаго народа поднялись на высоту, достойныхъ Пожарскихъ и Мининыхъ, такъ это именно въ эту торжественную и приснопамятную всѣмъ намъ пережившимъ минуту. Нахимовъ былъ всюду и вездѣ, своимъ примѣромъ воодушевлялъ, помогалъ словомъ и дѣломъ, и результатомъ общихъ усилій было то грандіозное явленіе, что когда 5-го октября непріятель съ разсвѣтомъ открылъ свое первое бомбардированіе съ сухого пути, а въ полдень съ моря, то мы совершенно были готовы его встрѣтить. Сухопутныя батареи его въ два часа должны были замолчать, а соединенный англо-французско-турецкій флотъ, выбросивъ 150.000 снарядовъ, отошелъ поврежденный, безъ всякихъ результатовъ.

Но день этотъ незабвенъ великою потерею для Россіи — она потеряла Корнилова, который, по всей справедливости, былъ душою и главнымъ двигателемъ обороны! Въ послѣдній разъ эти два соперника славы, закаленные любовью къ отчизнѣ и безграничною преданностью долгу, увидѣлись на 5-мъ бастіонѣ, гдѣ долго слѣдили за дѣйствіемъ артиллеріи; тутъ они разстались, чтобы болѣе уже не встрѣтиться. Узнавъ о смерти Корнилова, я поѣхалъ вечеромъ поклониться его праху и взошелъ въ залъ, гдѣ онъ лежалъ, именно въ ту минуту, когда Нахимовъ стоялъ у гроба и цѣловалъ прахъ, оплакивая, какъ Колингвудъ своего Нельсона, не смотря на успѣхъ цѣлаго дня.

Выдержавъ съ такимъ успѣхомъ первый день огня, мы начали считать себя непобѣдимыми и спокойно ожидали Инкерманскаго сраженія. Результатъ его, при всей неудачѣ, былъ тотъ, что огонь замѣтно сталъ слабѣть, а мы, укрѣплялись всю зиму, съ весною начали подвигаться впередъ тремя редутами: Волынскимъ, Селенгинскимъ и Камчатскимъ.

Труды адмирала были неусыпны и неимовѣрны: онъ каждый день, въ качествѣ помощника начальника гарнизона, объѣзжаетъ два раза всю линію, осматриваетъ госпитали,

перевязочные пункты, воодушевляетъ и поощряетъ словомъ и дѣломъ.

13-го января онъ получилъ отъ Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала такой рескриптъ, который останется навсегда незабвенъ:

«Павелъ Степановичъ! Генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ, свидѣтельствуя предъ Государемъ Императоромъ о заслугахъ вашихъ во время обороны Севастополя, ходатайствовалъ о наградѣ васъ орденомъ Бѣлаго Орла, и Его Величество на сіе Высочайше соизволилъ. Орденскіе знаки вы получите вмѣстѣ съ грамотою, а Я вмѣняю Себѣ въ удовольствіе выразить вамъ нынѣ личныя чувства Мои и всего балтійскаго флота. Мы уважаемъ васъ за ваше доблестное служеніе; Мы гордимся вами и вашею славою — какъ украшеніемъ нашего флота; Мы любимъ васъ какъ почтеннаго товарища, который сдружился съ моремъ и который въ морякахъ видитъ друзей своихъ. Исторія флота скажетъ о вашихъ подвигахъ дѣтямъ нашимъ, но она скажетъ также, что моряки-современники вполнѣ цѣнили и понимали васъ. Примите, почтеннѣйшій Павелъ Степановичъ, въ этомъ письмѣ доказательство тому и вѣрьте, что Я всегда пребуду къ вамъ искренно доброжелательнымъ».

Адмиралъ, до глубины сердца тронутый этими теплыми, задушевными словами, отвѣчалъ:

Ваше Императорское Высочество!

«Вмѣстѣ съ новою милостью Государя Императора къ слабымъ моимъ заслугамъ, Ваше Императорское Высочество осчастливили меня письмомъ, въ выраженіяхъ, драгоцѣнныхъ сердцу вѣрноподданнаго.

Спѣшу принести Вашему Императорскому Высочеству чувства глубокой признательности и при этомъ осмѣливаюсь прибавить, что, привыкнувъ съ юныхъ лѣтъ гордиться сословіемъ и ремесломъ, къ которымъ принадлежу, я вмѣстѣ съ товарищами чту себя еще болѣе счастливымъ, что въ настоя-

щую великую эпоху намъ выпалъ завидный жребій имѣть руководителемъ Васъ, Государь! Вѣрьте, что мы съумѣемъ оправдать это довѣріе Августѣйшаго Монарха и побѣдимъ или умремъ достойно имени русскаго!»

28-го марта, на второй день Пасхи, непріятель произвелъ такъ называемое *второе усиленное бомбардированіе*, хотя, собственно говоря, начиная отъ 5-го октября огонь не прекращался до 28-го августа. Много было новыхъ трудовъ и пало много жертвъ; Государь Императоръ мыслью и сердцемъ постоянно жилъ между героями-защитниками и не переставалъ ихъ награждать, и вице-адмиралъ Нахимовъ былъ произведенъ въ адмиралы; вотъ какими словами онъ сообщилъ объ этой Царской милости своимъ сослуживцамъ:

«Геройская защита Севастополя, въ которой семья моряковъ принимаетъ такое славное участіе, была поводомъ къ безпримѣрной милости Монарха ко мнѣ, какъ старшему въ ней.

Высочайшимъ приказомъ отъ 27-го минувшаго марта я произведенъ въ адмиралы. Завидная участь имѣть подъ своимъ начальствомъ подчиненныхъ, украшающихъ начальника своими доблестями, выпала на меня.

Я надѣюсь, что гг. адмиралы, капитаны и офицеры дозволятъ мнѣ здѣсь выразить искренность моей признательности сознаніемъ, что, геройски отстаивая драгоцѣнный для Государя и Россіи Севастополь, они доставили мнѣ милость незаслуженную.

Матросы! Мнѣ ли говорить вамъ о вашихъ подвигахъ на защиту родного намъ Севастополя и флота; я съ юныхъ лѣтъ былъ постоянно свидѣтелемъ вашихъ трудовъ и готовности умереть по первому приказанію; мы сдружились давно, я горжусь вами съ дѣтства. Отстоимъ Севастополь, и, если Богу и Императору будетъ угодно, вы доставите мнѣ случай носить мой флагъ на гротъ-брамъ-стеньгѣ съ тою же честью, съ какою я носилъ его, благодаря вамъ, и подъ другими клотиками; вы оправдаете довѣріе и заботы о насъ Государя

и Генералъ-Адмирала и убѣдите враговъ православія, что на бастіонахъ Севастополя мы не забыли морского дѣла, а только укрѣпили одушевленіе и дисциплину, всегда украшавшія черноморскихъ моряковъ».

Можно ли безъ умиленія и глубокаго сочувствія читать эти слова, въ которыхъ вылилась эта благородная душа со всею скромностью, столь ей свойственною, забывая себя и свое значеніе и отдавая все дорогимъ ему сослуживцамъ.

25-го мая непріятель открылъ *третье усиленное бомбардированіе* и 26-го, вечеромъ, штурмовалъ съ успѣхомъ Волынскій, Селенгинскій и Камчатскій редуты. 27-го мая былъ военный совѣтъ въ квартирѣ Нахимова, гдѣ рѣшено было оставить ихъ во власти непріятеля. Убыль людей становилась все болѣе и болѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ духъ русскаго воинства закалялся какъ сталь. Нахимовъ своимъ словомъ и примѣромъ, своимъ бдительнымъ вниманіемъ къ ставшимъ на бастіонахъ и душевнымъ теплымъ участіемъ къ страждущимъ раненымъ, былъ какимъ-то ангеломъ-утѣшителемъ.

Ободренный успѣхомъ на сказанныхъ редутахъ, непріятель, послѣ *четвертаго усиленнаго бомбардированія,* открытаго имъ 5-го іюня, съ разсвѣтомъ 6-го числа пошелъ на штурмъ 3-го и 4-го отдѣленій оборонительной линіи, но былъ повсемѣстно блистательно отбитъ и потерпѣлъ сильный, значительный уронъ.

Начальникъ севастопольскаго гарнизона, генералъ-адъютантъ графъ Остенъ-Сакенъ, въ своемъ приказѣ по случаю отбитаго штурма, между прочимъ, говоритъ:

«Доблестная служба помощника моего, командира порта адмирала Нахимова, одушевляющаго примѣромъ самоотверженія чиновъ морского вѣдомства и столь успѣшно распоряжающагося снабженіемъ обороны Севастополя, — *извѣстна всей Россіи.* Но не могу не упомянуть, что подкрѣпленія, посланныя на атакованную часть Севастополя, раздѣленную южною бухтою, переходили по устроенному адмираломъ Нахимовымъ пѣшеходному мосту на бочкахъ, безъ чего корабель-

ная сторона, вмѣщающая въ себѣ Малаховъ курганъ, — ключъ позицій — могла пасть, ибо прежній мостъ на судахъ легко былъ поврежденъ непріятельскими выстрѣлами и въ 11-тидневное бомбардированіе помянутое сообщеніе было прервано».

Могу ли что-нибудь прибавить о важности значенія Нахимова въ Севастополѣ послѣ такого авторитета, но я не могу забыть, съ какою неподдѣльною искренностью онъ отзывался всѣмъ окружающимъ, что онъ чувствуетъ себя недостойнымъ своей новой награды — аренды, 25-го іюня имъ полученной.

Это была послѣдняя предсмертная награда.

26-го іюня, какъ бы прощаясь съ этимъ міромъ, адмиралъ присутствовалъ на торжественномъ молебнѣ и крестномъ ходѣ на площади, совершенномъ знаменитымъ духовнымъ витіею архіепископомъ Иннокентіемъ, который въ сильной, могучей рѣчи выразилъ значеніе Севастополя для Россіи, — рѣчи, имѣвшей особенную силу при громѣ ядеръ и бомбъ. По окончаніи этой церемоніи, каждый изъ бастіоновъ получилъ въ благословеніе икону.

28-го іюня, съ 4-хъ часовъ утра, открылась сильная канонада по 3-му бастіону. Адмирала всячески старались удерживать, но онъ рвался туда, по обыкновенію, гдѣ была опасность, говоря: «какъ ѣдешь на бастіонъ, такъ веселѣе дышешь». Побывавши на 3-мъ бастіонѣ, онъ поѣхалъ на бастіонъ Корнилова, гдѣ въ это время не было артиллерійскаго огня, но былъ сильный ружейный. Адмиралъ, не смотря на просьбы приближенныхъ, ставъ на банкетъ, осматривалъ въ трубу работы; скоро провизжала одна пуля и ударилась въ мѣшокъ; не успѣлъ онъ выговорить: «какъ ловко стрѣляютъ», какъ упалъ смертельно раненый; пуля прошла выше лѣваго виска и тронула мозгъ; до самой кончины онъ не пришелъ ни на минуту въ сознаніе и скончался 30-го іюня, въ 11 час. 7 м. пополуночи. Я былъ при умирающемъ почти все время до послѣдняго вздоха и слѣдующія слова выписываю изъ моего журнала, веденнаго тогда въ Севастополѣ: войдя въ комнату, гдѣ лежалъ

адмиралъ, я нашелъ у него докторовъ тѣхъ-же, что оставилъ ночью, и прусскаго лейбъ-медика, пріѣхавшаго посмотрѣть на дѣйствіе своего лекарства. Усовъ и баронъ Крюднеръ снимали портретъ, больной дышалъ и по временамъ открывалъ глаза; но около 11-ти часовъ дыханіе сдѣлалось вдругъ сильнѣе; въ комнатѣ воцарилось молчаніе; доктора подошли къ кровати; вотъ наступаетъ смерть, громко и внятно сказалъ Соколовъ, вѣроятно не зная, что около меня сидѣлъ его племянникъ, П. В. Воеводскій; третій на диванѣ былъ Костыревъ (флагъ-офицеръ). Итакъ, послѣднія минуты Павла Степановича оканчивались! Больной потянулся первый разъ и дыханіе сдѣлалось рѣже; у всѣхъ пробѣжала мысль о смерти, но послѣ нѣсколькихъ вздоховъ онъ снова вытянулся и медленно вздохнулъ; этотъ разъ обманъ былъ такъ силенъ, что даже доктора ошиблись: прикладывали ухо къ сердцу и утвердительно и печально кивнули намъ головою; но жизнь героя Синопа еще боролась со смертью и какъ бы не хотѣла такъ легко оставить этотъ міръ. Умирающій сдѣлалъ еще конвульсивное движеніе, еще вздохнулъ три раза, и никто изъ присутствовавшихъ не замѣтилъ послѣдняго его вздоха. Но прошло нѣсколько тяжкихъ мгновеній.... всѣ взялись за часы, и когда Соколовъ громко проговорилъ: скончался — было 11 ч. 7 м.

Послѣдній переѣздъ адмирала чрез севастопольскую бухту (онъ скончался въ баракахъ на сѣверной) былъ величественъ: гробъ поставили на кожуховую лодку, буксируемую катерами; вѣтръ вдругъ засвѣжѣлъ, какъ бы посылая прощальный поцѣлуй тому, кто боролся съ нимъ въ теченіи 34-хъ шестимѣсячныхъ морскихъ кампаній; враги провожали ядрами, а русская эскадра приспустила флаги и уныло салютовала.

Въ 6 часовъ 1-го іюля, со всѣхъ мѣстъ обороны съѣхались начальствующія лица отдать послѣдній долгъ. Я видѣлъ, какъ князь Горчаковъ, стоя у гроба, нѣсколько разъ горько плакалъ. Мы вынесли гробъ изъ квартиры, предшествуемый тремя адмиральскими флагами, и понесли его въ церковь между двумя

баталіонами, армейскимъ и флотскимъ, составленными отъ всѣхъ бастіоновъ, батарей и судовъ флота; по ту сторону церкви стояло 6 орудій; по окончаніи панихиды дозволено было всѣмъ матросамъ бастіоновъ проститься съ адмираломъ, и замѣчательно, что солдаты тотчасъ же стали просить, чтобы и имъ позволили. Въ 6 часовъ мы подняли прахъ, чтобы отнести его на мѣсто успокоенія, рядомъ съ Михаиломъ Петровичемъ. Вся дорога, весь подъемъ былъ унизанъ провожавшими; многіе ожидали, что непріятель откроетъ канонаду на площади, но, однако, онъ велъ себя прилично; даже разнесся слухъ во время погребенія, что будто англійскіе корабли приспустили флаги, но онъ оказался несправедливымъ. Гробъ опустили, баталіоны и артиллерія сдѣлали обычные залпы и толпы начали расходиться.

Итакъ, герой Наварина, Синопа и Севастополя, этотъ рыцарь безъ страха и укоризны, окончилъ свое славное поприще.

Извѣстіе о кончинѣ его какъ громовой ударъ разнесся по Севастополю, и начальникъ гарнизона отдалъ слѣдующій приказъ:

«Храбрые защитники Севастополя!

Провидѣнію угодно испытать насъ новою тяжкою потерею: адмиралъ Нахимовъ, пораженный непріятельскою пулею на Корниловомъ бастіонѣ, сего числа (30-го іюня) скончался.

Не мы одни будемъ оплакивать потерю доблестнаго сослуживца, достойнѣйшаго начальника, витязя безъ страха и упрека: вся Россія вмѣстѣ съ нами прольетъ слезы искренняго сожалѣнія о кончинѣ героя Синопскаго.

Моряки черноморскаго флота! Онъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ вашихъ доблестей, онъ умѣлъ цѣнить ваше несравненное самоотверженіе, онъ раздѣлялъ съ вами всѣ опасности, руководилъ васъ на пути славы и побѣды.

Преждевременная смерть доблестнаго адмирала возлагаетъ

на меня обязанность дорогою цѣною воздать непріятелю за понесенную нами потерю.

Каждый воинъ, стоящій на оборонительной линіи Севастополя, жаждетъ, я несомнѣнно увѣренъ, исполнить этотъ священный долгъ; каждый матросъ удесятеритъ усиліе для славы русскаго оружія».

Теперь посмотримъ, какъ смотрѣли па эту потерю многіе другіе, и начнемъ съ письма профессора хирургіи Гюббенета, находившагося все время обороны при главномъ перевязочномъ пунктѣ и заслужившаго общую привязанность гарнизона.

«Чего въ лицѣ этого мужа лишились Севастополь, флотъ, вся Россія, того не въ силахъ выразить мое неискустное перо. Я былъ свидѣтелемъ тѣхъ восторженныхъ чувствъ къ нему, которыми одушевленъ былъ флотъ и цѣлое войско, видѣлъ неограниченное довѣріе и безпредѣльную къ нему любовь простого солдата. При частныхъ свиданіяхъ съ нимъ я имѣлъ случай открывать въ его сердцѣ такія струны, которыя не всякому были доступны, какъ мнѣ. Всей Европѣ извѣстны его высокое мужество и блестящая храбрость, по мнѣнію многихъ, неимѣвшая границъ. Онъ ежедневно подвергалъ себя безъ малѣйшей осторожности непріятельскому огню, избиралъ мѣста самыя опаснѣйшія, по крайней мѣрѣ никогда не обходилъ ихъ; останавливался на самыхъ беззащитнѣйшихъ пунктахъ бастіоновъ, а когда окружавшіе почти насильно увлекали его прочь отъ опасности, то онъ какъ бы съ намѣреніемъ замедлялъ шаги свои.

Все это дѣлалось безъ малѣйшаго тщеславія; напротивъ того, всѣ поступки его носили явный отпечатокъ величайшей скромности, и, конечно, имѣя единственною цѣлію возвысить общее мужество и показать, что минута смерти опредѣлена Провидѣніемъ независимо ни отъ какихъ человѣческихъ предосторожностей. И, дѣйствительно, его примѣръ имѣлъ безпредѣльное вліяніе па духъ нашихъ матросовъ, и за упорную оборону порта отечество ему невыразимо обязано.

Онъ до того пренебрегалъ собственною безопасностію, что вся армія, наконецъ, стала смотрѣть на него какъ бы на человѣка, застраховавшаго жизнь свою, видя въ теченіе девяти мѣсяцевъ сряду, въ самомъ жаркомъ огнѣ, что ядра какъ бы сами избѣгали встрѣчи съ нимъ. А, казалось, небольшого стоило бы труда врагу узнать Нахимова, ростомъ высокаго, единственнаго во всемъ Севастополѣ офицера носившаго эполеты, которыхъ онъ никогда не снималъ съ плечъ. Мнѣ случалось встрѣчать его во всякое время дня и всегда при эполетахъ (онъ даже спалъ въ нихъ, ибо, какъ самъ мнѣ признавался, что во все время десятимѣсячной осады онъ ни разу не ложился спать раздѣтый).

Такимъ образомъ онъ представлялъ постоянно цѣль для непріятельскихъ выстрѣловъ, тѣмъ болѣе, что весьма часто пренебрегалъ всякимъ прикрытіемъ во время наблюденія непріятельскихъ дѣйствій и выказывался сверхъ бруствера, что сдѣлалъ и въ ту самую минуту, когда получилъ послѣднюю рану.

О многочисленныхъ его заслугахъ говорить не стану; приведу только нѣкоторыя черты его характера, какія я успѣлъ узнать, состоя врачемъ при севастопольскомъ гарнизонѣ. Дѣятельность его была неутомимая, неисчерпаемая. Помню, что въ самый разгаръ его трудовъ, по званію начальника всего черноморскаго флота, главнаго командира порта, севастопольскаго губернатора и помощника начальника гарнизона, не только не останавливалось самое малѣйшее дѣло, но никто не приходилъ къ покойному адмиралу не во время, коль скоро дѣло шло объ облегченіи положенія больныхъ, будь эта просьба, повидимому, самая ничтожная. Дѣла у него не ограничивались словами или обѣщаніями; дѣло, представленное адмиралу и имъ одобренное, можно было считать исполненнымъ. Съ отраднымъ чувствомъ вспоминаю и нынѣ о его благородномъ стремленіи и живомъ, восторженномъ участіи, какое онъ принималъ во всякомъ добромъ дѣлѣ! Напротивъ

того, съ какою нещадною ненавистью клеймилъ онъ всякое злоупотребленіе, а особенно такое, отъ котораго могли пострадать его матросы; съ какою готовностію выслушивалъ всякое предложеніе, могущее повести хотя къ малѣйшему улучшенію. Неумолимый врагъ всякаго педантства, всякой бумажной дѣятельности, онъ отвергъ всѣ стѣснительныя, при настоящихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ, формальности, и этимъ только достигъ возможности быстро и успѣшно осуществлять свои намѣренія. Всѣ его дѣйствія отличались юношескою пылкостью, все доброе находило въ немъ заступника самаго горячаго и искренняго, и потому собственно онъ могъ порою казаться крутымъ и суровымъ, ибо мысль высказывалъ прямо и откровенно и, не стѣсняясь, выражалъ свое презрѣніе къ мелочности и самолюбію. Чуждый всякаго притворства, онъ никогда не скрывалъ своего мнѣнія и высказывалъ его прямо и откровенно даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда личный расчетъ требовалъ этого. Однимъ словомъ онъ былъ патріотъ, какихъ мало! Онъ не считалъ достойнымъ хвалить все существующее и скрывать недостатки, а находилъ пользу въ изобличеніи послѣднихъ и въ неусыпномъ стремленіи къ улучшеніямъ».

Письмо оканчивается такъ:

«Онъ благополучно миновалъ 3-й бастіонъ, но на Корниловомъ, гдѣ пали Корниловъ и Истоминъ, нашелъ смерть и онъ. Съ тѣхъ поръ протекло полтора мѣсяца, гарнизонъ и Севастополь перенесли много тяжкихъ испытаній, пролито ручьями много благородной крови, но имя Нахимова останется незабвеннѣйшимъ изъ именъ. Это имя напишется *золотыми буквами какъ въ исторіи Россіи, такъ и въ сердцахъ грядущихъ поколѣній*».

Докторъ *Зейманъ* говоритъ слѣдующее:

«Когда въ октябрѣ 1854 года ко многимъ другимъ неразлучнымъ съ блокадою бѣдствіямъ присоединилась и холера въ Севастополѣ, труды медицинскихъ чиновъ усугубились.

Не могу безъ душевнаго восторга не упомянуть здѣсь объ особенномъ участіи и распоряженіи незабвеннаго адмирала Нахимова, который, съ свойственною ему всегдашнею добротою и человѣколюбивою заботливостью, выказалъ и въ этомъ случаѣ свою истинно отеческую любовь къ любимымъ (какъ онъ назвалъ ихъ) дѣтямъ его (морякамъ) и вообще всѣмъ страждущимъ, заботясь не только о предохраненіи людей на бастіонахъ отъ холерныхъ недуговъ, но и доставляя *имъ на собственный счетъ* всѣ необходимые медикаменты, коихъ выборъ и употребленіе мнѣ были предоставлены».

Статскій совѣтникъ Мансуровъ (*) отъ 30-го іюня изъ Севастополя доноситъ:

«Сегодня настала та тяжкая, печальная минута, которой Севастополь такъ долго страшился. Сегодня черноморскій флотъ лишился своего героя-вождя и облекся въ тотъ сердечный трауръ, который не знаетъ ни мѣры, ни срока! Доблестный нашъ адмиралъ, незабвенный Нахимовъ, скончался сего числа, въ 11 час. и 7 м. утра, и скончался, не увидавъ конца начатаго имъ достославнаго дѣла, въ то именно время, когда всѣ ожили въ ожиданіи того блаженнаго часа, въ который черноморской семьѣ суждено будетъ отпраздновать освобожденіе Севастополя подъ побѣдоносным флагомъ своего возлюбленнаго начальника. Павелъ Степановичъ такъ часто и такъ явно былъ хранимъ Промысломъ, что всѣ невольно привыкли считать жизнь его замѣтною, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока самъ Севастополь не погребетъ его въ своихъ развалинахъ.

Среди общей скорби, я едва смѣю говорить о собственной своей печали; нѣтъ матроса и офицера, который бы не оплакивалъ въ Нахимовѣ заботливаго отца; нѣтъ храбраго воина, который бы не потерялъ въ немъ путеводителя на стезѣ долга и отваги».

(*) Нынѣ тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь. (Эта выноска относится къ 1868 году).

Наконецъ, въ заключеніе, приведу нѣсколько словъ одного изъ самыхъ увлекательныхъ и краснорѣчивыхъ писателей *Морского Сборника* (1855 г. № 8, отд. 1), капитана 2-го ранга Шестакова (*).

«Еще потеря тяжкая, хотя и предвидѣнная; еще смерть, поражающая значеніемъ жертвы, новая могила, внушающая благоговѣніе и полная назиданія! Свершилось предопредѣленіе — и бодрый духъ, витавшій надъ бастіонами мученика Севастополя, живившій его защитниковъ въ теченіе 10-ти мѣсячной томительной, однообразной, кровавой обороны, отлетѣлъ въ вѣчность! Не стало любимца черноморцевъ, ихъ вожатаго къ славѣ товарища въ лишеніяхъ, утѣшителя въ неудачахъ и бѣдствіяхъ! Такія могилы не орошаются слезами; не скорбь и сѣтованіе возбуждаются въ тѣхъ, кои удалены отъ мѣста тризны. Удивленіе и уваженіе замѣняютъ печаль сердечную, и, сознавая вполнѣ великость потери, невольно увлекаешься желаніемъ изслѣдовать причины соединенія въ одномъ и томъ же смертномъ достоинствъ, дѣлающихъ изъ него примѣчательную особенность, выставленную случаемъ въ подражаніе современникамъ и въ образецъ потомству».

Къ этимъ столь торжественнымъ и отраднымъ заявленіямъ русскаго дворянства, стоявшаго на различныхъ ступеняхъ служебнаго поприща и близко и хорошо знавшихъ адмирала, имѣвшихъ и непосредственное и косвенное отношенія къ нему, мнѣ хочется прибавить нехитрое слово одного солдата.

Рядовой пѣхотнаго графа Дибича Забалканскаго полка (къ сожалѣнію имя его неизвѣстно), во время штурма, 6-го іюня, лежалъ на землѣ, близъ Малахова кургана, въ предсмертныхъ мукахъ. «Ваше благородіе», вскричалъ онъ проѣзжающему ординарцу начальника гарнизона, скакавшаго съ Малахова кургана въ городъ, «а ваше благородіе!» Офицеръ, посланный съ важнымъ приказаніемъ не останавливался. «По-

---

(*) Нынѣ свиты Его Величества контръ-адмиралъ. (Эта выноска относится къ 1868 году).

стойте, ваше благородіе, я не помощи хочу просить, а важное дѣло есть...» Офицеръ возвратился къ нему, и въ то же время подошелъ къ нему морякъ. «Что нужно, любезный, говори скорѣе?» — «Скажите, ваше благородіе, адмиралъ Нахимовъ не убитъ?» — «Нѣтъ». — «Ну, слава Богу... Я могу теперь умереть спокойно». Солдатъ перекрестился, обратилъ очи къ небу и со вздохомъ закрылъ ихъ на вѣки.

Собравъ факты, изложивъ событія, приведя слова, мысли, чувства, взгляды и мнѣнія боевыхъ сотоварищей, подчиненныхъ, начальниковъ, Великаго князя и двухъ Императоровъ, я перехожу къ заключенію.

Говорятъ, что всѣ вещи познаются черезъ сравненіе; но мѣра всѣхъ вещей есть самъ человѣкъ, а потому, сравнивая людей, мы никакъ не можемъ ихъ, такъ сказать, уровнять, уподобить. Каждый человѣкъ есть отдѣльный, самостоятельный индивидуумъ, который развивается, дѣйствуетъ, вліяетъ и оставляетъ или ничтожный, легкій или глубокій слѣдъ, какъ по мѣрѣ своихъ нравственныхъ силъ, энергіи, характера, такъ и по силѣ окружающихъ его обстоятельствъ. Иной могъ бы сдѣлать, но ничего не дѣлаетъ, другой и съ однимъ талантомъ, но работаетъ и достигаетъ. Вся эта масса отдѣльныхъ индивидуальныхъ личностей сливается въ одно гармоничное цѣлое — человѣчество. Величіе человѣка состоитъ въ той пользѣ, которую онъ приноситъ. Будь тѣмъ великъ, чѣмъ можешь быть великъ.

«Мы здѣсь, говоритъ Эпиктетъ, на сценѣ, гдѣ каждый долженъ сыграть назначенную ему роль. Великая обязанность, лежащая на человѣкѣ заключается въ томъ, чтобы выполнить свою роль въ совершенствѣ. Мы можемъ говорить, что роль не по нашему характеру, что мы выполнили бы лучше другую, но въ большинствѣ случаевъ распоряженіе не въ нашей волѣ. Все, что отъ насъ зависитъ, это совершенствоваться въ роли, которая выпала намъ».

Можно ли опредѣлительно, близко и вѣрно сравнить Суво-

рова съ Румянцевымъ, Ермолова съ Беннингсеномъ, Каменскаго съ Кутузовымъ, Паскевича съ Дибичемъ! Или у насъ во флотѣ, (оставляя безъ сравненія Державнаго героя-моряка, основателя флота, Генія-просвѣтителя Россіи), Ушакова съ Спиридовымъ, Грейга съ Лазаревымъ, Нахимова съ Корниловымъ, хотя каждый изъ нихъ вполнѣ заслуживалъ и заслуживаетъ дань удивленія и уваженія признательности современниковъ и благодарности потомства. Хотя каждый изъ нихъ оставилъ славныя страницы исторіи русскаго народа, хотя каждымъ изъ нихъ справедливо гордятся соотечественники и Россія. Но сознавая невозможность правильнаго сравненія, мы все-таки сравниваемъ, а потому по смерти Нахимова сопоставляли его съ великими и дорогими именами какъ русскаго, такъ и съ знаменитостями иностранныхъ флотовъ.

Не беру на себя смѣлости сказать свое слово, но постараюсь изъ всего вышесказаннаго обрисовать эту высоко-знаменательную и отрадную личность.

Адмиралъ Нахимовъ, одаренный счастливыми способностями ума и воспитанный въ молодости въ суровой школѣ могучаго наставника, скоро изучилъ знаніе и искуство моряка и пламенно на всю жизнь привязался къ своей профессіи. Воодушевленный безграничною любовью къ родинѣ и священнымъ исполненіемъ своего долга, онъ закалилъ свою волю на это высокое призваніе и тѣмъ получилъ ту нравственную силу на все окружающее, которая составляетъ его высшую заслугу отечеству.

Онъ вполнѣ сознавалъ свое сильное вліяніе и слѣпую преданность къ нему сослуживцевъ, отъ адмирала до матроса, и, особенно искусно и прозорливо пользуясь ими, велъ ихъ къ благотворной цѣли. Это былъ глубокій знатокъ человѣческаго сердца, мудрецъ, вполнѣ постигшій духъ народа, великодушный начальникъ, великій гражданинъ, герой безъ страха и укоризны, славный адмиралъ, украсившій русскій флотъ, озарившій русскій флагъ и стязавшій себѣ народное имя.

Я думаю, что угадаю въ настоящую минуту мысли и желанія всѣхъ моихъ сослуживцевъ, если окончу мой біографическій очеркъ адмирала Павла Степановича Нахимова теплыми, отрадными словами рескрипта генералъ-адмирала:

«Мы уважаемъ васъ за ваше доблестное служеніе, Мы гордимся вами и вашей славой, какъ украшеніемъ нашего флота. Мы любимъ васъ, какъ почтеннаго товарища, который сдружился съ моремъ и который въ морякахъ видитъ друзей своихъ».

Да! Высоко чтимое имя его будетъ всегда жить съ глубокою признательностію и великимъ значеніемъ въ сердцахъ русскаго флота и да не коснется его впередъ:

Ни завистъ съ глазомъ ядовитымъ,
Ни ложный другъ съ коварствомъ скрытымъ.

А севастопольская семья не забыла и никогда не забудетъ.

.... тотъ родной гранитъ,
Гдѣ Нахимова могила,
Гдѣ Корниловъ спитъ.

Теперь обращаюсь къ вамъ, милостивый государь, авторъ статьи: «Воспоминанія севастопольца». Вы видите, вы понимаете, вы, наконецъ, должны видѣть и понимать, что по нашему же выраженію, вы разсказали сказку, что вы не знали и не хотѣли знать о комъ вы писали, и вамъ единственный и вмѣстѣ благородный исходъ отказаться отъ своихъ словъ, отъ чужихъ мыслей, видимо составленныхъ подъ диктовку какого нибудь измѣнника своей семьи. Вы должны это сдѣлать, если въ васъ есть любовь къ родинѣ и къ отечественной исторіи, которая гордится именами доблестныхъ мужей.

Тогда, и только тогда, мы повѣримъ искренности вашихъ сладкихъ слезъ, и да проститься вамъ, какъ многое прощалось Алексѣю, Божію-человѣку.

Капитанъ 1 ранга **А. Асланбеговъ.**

Примѣчаніе. Настоящій очеркъ былъ напечатанъ: въ «Морскомъ Сборникѣ» 1868 г.;—въ «Русскомъ Архивѣ» 1868 г.;—въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1868 г.;—въ «Матерьялахъ для Исторіи обороны Севастополя». Вып. I. 1871 г.

